

Лян Цзию с группой друзей тайком попытался последовать за ними, чтобы помочь в спасении, но их заметили. Старший дядя Лян приказал им уйти, сам же с суровым лицом подошёл:

— Возвращайтесь, у нас есть дела.

Старший дядя Лян, с мрачным выражением лица, в свете кинопроектора выглядел устрашающе. Лян Цзию упрямо заявил:

— Они мои сёстры, я тоже пойду!

Его голос дрожал. После прошлого инцидента с Лян Сысы и Лян Тин он винил себя, считая, что если бы он был с ними, ничего бы не случилось. Теперь, когда произошло новое происшествие, он чувствовал себя ужасно.

Старший дядя Лян всё ещё хмурился, но его тон смягчился:

— Если хочешь идти, иди, но если будешь тормозить, мы тебя ждать не станем!

С этими словами он побежал вперёд, чтобы возглавить группу.

За большой группой мужчин на некотором расстоянии следовала маленькая группа мальчишек, бегущих трусцой. Картина была забавной, но никто не смеялся, вокруг царила напряжённая атмосфера. Фильм всё ещё шёл, но никто не обращал на него внимания.

Вокруг все обсуждали произошедшее. Семья Лян Чунь и Лян Цзию сидели недалеко друг от друга, и было видно, как вокруг Лян Чунь собралась группа людей, пытающихся её утешить.

Третья сестра Лян Чунь, раздражённая тем, что её отвлекли от фильма, и особенно тем, что это было связано с тремя её нелюбимыми людьми, с раздражением сказала:

— Вот, вечно она наряжается, а теперь из-за неё всем приходится страдать!

Раздался громкий шлепок. Третья сестра Лян Чунь с изумлением прикрыла лицо, слёзы тут же потекли по её щекам. Она посмотрела на мать, которая с суровым лицом ударила её, и собиралась громко возмутиться, но, увидев, как окружающие смотрят на неё с неодобрением и гневом, сжалась и замолчала.

Третья тётя Лян, видя, как её дочь плачет, тоже почувствовала боль в сердце, но если бы она не ударила её, их семья потеряла бы лицо в бригаде Циншань.

Сегодня был особый день — все собрались посмотреть фильм, только что закончился Новый год. Даже если бы пострадали не две дочери секретаря партиячейки, а любая другая девушка, это вызвало бы шум. Если бы это стало известно позже, можно было бы просто поговорить, но сейчас, когда все здесь, если не раздуть скандал до предела, никто не останется в стороне. Это уже не только дело семьи Лян, это дело всей деревни, всей производственной бригады. Сегодняшнее происшествие — это удар по их чести, по чести всех!

Если это не будет решено должным образом, что подумают о их бригаде? Слабые и беспомощные? Кто потом не решится наступить на них в будущем? Ресурсов мало, и их нужно отстаивать. Даже если не учитывать это, что насчёт остального? Если сегодня их девочек так унизили, и никто не вступился, кто помешает другим делать то же самое в будущем? Сейчас в обществе хороший порядок, мелкие воровства редки, но это событие перешло все границы!

У бойцов обострённые чувства, и хотя он не знал точного места происшествия, он следовал в направлении, указанном Лян Чунь, и по звукам нашёл их.

Цюй Хэ, видя, что его подручные не возвращаются, понял, что что-то не так. Но он думал, что если кто-то придёт, это займёт время, и он успеет как следует помучить этих девчонок. Он и его братья уже достаточно пострадали, и просто так отпускать их он не собирался.

Когда Лян Цзивэнь подошёл, увиденное чуть не свело его с ума!

Цюй Хэ с похабной ухмылкой расстегнул штаны, достал свой член и приказал зафиксировать рты девочек. Он не был настолько глуп, чтобы просто помочиться им в рот.

Лян Сысы и Лян Тин изо всех сил вырывались, но люди, державшие их, были намного сильнее. В их глазах горела ненависть, которую Цюй Хэ мог разглядеть даже в темноте. Он с напусковой бравадой сказал:

— Смотрите, смотрите, пока можете, потому что скоро вы больше ничего не увидите.

Цюй Хэ изначально не собирался делать с этими нежными девочками ничего серьёзного, максимум потрогать их или заставить их поработать руками. Но они оказались такими непокорными, что он, привыкший к безнаказанности, почувствовал себя униженным перед своими братьями. Он ненавидел их всей душой и планировал сначала ослепить их, а потом медленно мстить, чтобы они потеряли всё, включая свои семьи!

Лян Цзивэнь никогда не боялся трудностей. Он всегда верил, что право говорить принадлежит тому, у кого сильнее кулаки. Поэтому, увидев, как Цюй Хэ собирается надругаться над его сёстрами, он в ярости спрыгнул с крыши прямо на Цюй Хэ. Тот, оглушённый, смотрел в звёзды, не понимая, что произошло.

Лян Цзивэнь не стал ждать, пока он придёт в себя, и сразу же пнул двух подручных, державших Лян Сысы и Лян Тин. Никаких слов — сразу в дело!

Лян Цзивэнь был в ярости. Когда его сёстры были захвачены террористами, он уже был на грани, но сдерживался. Теперь, когда их так мучили и унижали, его гнев достиг предела.

Не дожидаясь угроз от хулиганов, он поднял камень и вывел из строя ноги каждому, затем снял с Цюй Хэ одежду и разорвал её на полосы, словно это был лист бумаги. Он специально действовал медленно, чтобы Цюй Хэ почувствовал унижение. Тот, в ярости, встал и начал ругаться, собираясь показать Лян Цзивэню, что такое настоящая мужская сила — он думал, что всё произошедшее было просто удачей из-за внезапности.

Лян Цзивэнь зловеще усмехнулся, его лицо и вся его аура устроили подручных Цюй Хэ до дрожи. Он беспокоился о сёстрах и планировал сначала разобраться с этими хулиганами, а потом уже заняться мучениями.

Быстро скрутил руки Цюй Хэ, вывихнул ему ноги и снял всю одежду. Его неторопливые действия сопровождалось криками Цюй Хэ, что напугало его подручных до смерти, но они не могли ни пошевелиться, ни издать звук.

Лян Цзивэнь освободил Лян Сысы и Лян Тин. Они начали плакать, как только он появился, но молча, не издавая ни звука. Лян Цзивэнь с нежностью отодвинул их растрёпанные волосы и тихо сказал:

— Не плачьте, смотрите, как я с ними разберусь.

Он усадил их на сложенную одежду, чтобы они могли спокойно наблюдать.

Он был предельно нежен с сёстрами, но это не означало, что он будет так же мягок с Цюй Хэ и его бандой.

— Босс, босс, беда, Лян Чунь сбежала! — запыхавшиеся подручные прибежали с опозданием.

Едва они успели перевести дыхание, как Лян Цзивэнь ударил их, и они упали лицом в грязь.

— Чёрт, кто это — ах! — хулиган начал ругаться, но Лян Цзивэнь без промедления поднял его и бросил на землю.

Затем он сделал то же самое с остальными, связав их и сняв одежду.

— Все здесь? — спросил Лян Цзивэнь.

Ответа не последовало. Хулиганы были немые, а Лян Сысы и Лян Тин всё ещё не приходили в себя. Лян Цзивэнь знал, что они были в шоке, и его ненависть только усиливалась.

Теперь, когда эти двое прибыли, это означало, что папа Лян и остальные будут здесь максимум через десять минут. Если место было известно, и с проводником из деревни, они могли добраться за семь-восемь минут. Лян Цзивэнь прибежал сюда по звукам за две минуты. Поэтому у него было максимум шесть минут, чтобы преподать этим людям урок, который они запомнят на всю жизнь. В его пространственном хранилище было не только еда. Там были порошки, вызывающие невыносимую боль, и другие средства, которые могли заставить преступников страдать.

<http://bllate.org/book/16557/1510786>